Из задних ворот сотник с взводом. Стремя к нам подъехал: «Што такое?» — Я говорю:
— Студенты отхватили и разговор начали, а мы их хотели в шашки, а потом, как они ослобонили нас, мы отъехали, отвернулись». Сменили нас, мы вахмистру и говорим: «Вот, мол, заработали мы десять целковых и должны их пропить за упокой души вот этова деда» — и показываем патрет. Вахмистр вечерком принес водки, и гуляли мы двое суток, а после и объявился подвох: студент этот, стерва носатая, заместо папахи дал нам патрет немецкого заглавного смутьяна. Я-то взял на совесть, вишь — борода седая на патрете и собою подходимый человек, навроде купцов, а сотник доглядел и спрашивает: «Откель взял этот патрет, такой-сякой?» «Так и так», говорю. — Он и зачал костерить, и по скуле дал ишо раз... «Знаешь, — орет, — што это атаман ихний Карла, вот запамятовал прозвищу... Э, да как его, дай бог памяти...
— Карл Маркс? — подсказал Штокман, спаяв в улыбке.
— Во-во!.. Он самый — Карла Маркс!.. — обрадовался Христоня. — Ить подвел под монастырь, мать его об печку! К нам в караулку и цесаревич Алексей прибегал с своими наставленниками. Ить могли доглядеть, што бы было?..
— А ты все мужиков ламышь. Ишь, как тебя подновили-то, — посмеивался Иван Алексеевич.
— За то десятку пропили. Хучь за Карлу, за бородатого пили, а пили.
— За него следует выпить, — улыбнулся Штокман и поиграл колечками костяного обкуренного своего мундштука.
— Што-ж он навершил доброва? — спросил Кошевой.
— В другой раз расскажу, а сегодня поздно, — ответил Штокман, ладонью выколачивая окурок из мундштука.

Абз. В землянке Лукешки косой после долгого отсева и отбора образовалось ядро человек в девять казаков. Штокман был сердцевиной. Упорно двигался он к одному ему известной цели. Точил, как червь древесину, нехитрые понятия и навыки, внушал к существующему строю отвращение и ненависть. Вначале натыкался на холодную сталь недоверия, но не отходил, а прогрызал... Поселил личинку недовольства и кто бы знал про то, что через четыре года выпростается из одряхлевших стенок личинки этот крепкий и живущий зародыш?

Смеховитель забыл про Штокмана. Корма на подворотне у Ив. Алекс.